

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН.	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	25
Глава 1. УКРАДЕННАЯ ПРЕЛЕСТЬ.	25
Глава 2. ДВА ЖУЛИКА, ПИКАССО И АПОЛЛИНЕР	44
Глава 3. ЧЕРНАЯ БАНДА И ДЫРКА ОТ БУБЛИКА.	69
Глава 4. МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ ДУБИНКОЙ.	102
Глава 5. ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАЗЛУКИ	121
Глава 6. ЗАГАДОЧНЫЙ АЛКОГОЛИК.	147
Глава 7. ВИЗИТ МАКЛЕРА.	162
Глава 8. В ЛОГОВЕ ТИРАННОЗАВРА.	178
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	204
Глава 1. ЗОЛОТАЯ БОГИНЯ	204
Глава 2. УБИЙЦА В ОТКРЫТОМ МОРЕ	232
Глава 3. ЧЕЛОВЕК С ЛАСКОВЫМИ ГЛАЗАМИ.	252
Глава 4. ДВЕ ДУШИ В ОДНОМ ТЕЛЕ.	282
Эпилог. ГЕНЕРАЛ ВОРОНЦОВ	302
Постскриптум	317

Пролог

СТАРШИЙ СЛЕДОВАТЕЛЬ ВОЛИН

На протяжении многих десятилетий сотрудники силовых структур были отдельной, наводящей страх и трепет кастой — сначала в СССР, а потом и в суверенной России. Если органам нужен был какой-то человек, ему отсылалась официальная повестка, по которой тот немедленно должен был явиться в соответствующее заведение и безропотно принять там свой жребий, который часто зависел не от реальной вины человека, а от идейных установок государства или просто от настроения конкретного офицера. Так было много лет, но внезапно этот порядок пресекся самым неожиданным и удивительным образом.

С недавних пор среди работников ФСБ, прокуратуры и Следственного комитета распространилась странная мода не отсылать повестки, а лично звонить клиенту по телефону и, представившись, вкрадчиво спрашивать: «Как вы думаете, почему мы вам звоним?» И если недоумевающий обыватель отвечает, что он не знает, ему обычно задается следующий вопрос, который может звучать примерно так: «Точно не знаете? А если подумать? Или вы считаете, что ФСБ (прокуратуре, Следственному комитету) больше нечем заняться, как с вами разговоры разговаривать?»

Впрочем, клиент нынче пошел необыкновенно ушлый и в ответ на такие вопросы все чаще посылает почтенных служителей закона по такому адресу, куда не доходил даже пресловутый Макар со своими телятами. После чего, как правило, грозные сотрудники силовых структур отправляются в указанном направлении и бесследно исчезают в нетях. И это неудивительно, потому что на самом деле никакие они не силовики, а всего лишь банальные жулики, надеющиеся слупить с глупого обывателя рубль-другой себе на бедность.

Разумеется, настоящие следователи не будут звонить подозреваемому, чтобы уведомить его заранее о своем к нему интересе, потому что такой подозреваемый, если рыльце у него на самом деле в пушку, не преминет начать заметать следы, а то и вовсе скроется за границей, или, выражаясь языком уважаемых спецслужб, сдристнет за кордон. И хотя в связи со сложной геополитической ситуацией сдристывать за кордон стало сейчас гораздо сложнее, но, согласитесь, все равно нет никакого резона заранее предупреждать человека о том, что компетентные органы взяли его на карандаш и собираются в соответствии с законом сделать с ним такое, чего он им потом век не забудет и за что будет благодарен до конца жизни и даже, может быть, и дальше.

Однако у старшего следователя СК Ореста Витальевича Волина были свои резоны, чтобы не звонить заместителю заведующего отделом финансово-экономического департамента Министерства здравоохранения Михаилу Ивановичу Голочухеву по телефону и тем более не посылать ему повесток: Волин решил посетить его прямо в его квартире в доме на улице Зорге. Номер дома, а уж тем более номер квартиры старший следователь предпочел бы не называть, потому что, конечно, много найдется желающих проникнуть в квартиру скромного чиновника, чтобы выяснить, что там вообще

имеется и как организована жизнь такого человека. Разумеется, все это с самыми чистыми намерениями.

В свое время один известный блогер, узнав, что житель Московской области выиграл в лотерею 492 миллиона рублей, написал буквально следующее: «Фамилию указывать не надо, только микрорайон. Соседи сами вычислят счастливлчика, найдут, поздравят и порадуются совместно с героем».

Вот и с чиновниками у нас примерно так же, думал Волин, поднимаясь по лестнице к квартире Голочуева. Чем скромнее чиновник, тем интереснее может быть его бэкграунд, или, говоря по-русски, прошлая жизнь. Как гласит пословица, человек интересен своим будущим, а чиновник — своим прошлым. И в первую очередь, конечно, интересен он правоохранительным органам, которые вообще славятся своей чуткостью по отношению к гражданам.

Скажем честно, Михаил Иванович Голочуев к своим тридцати восьми годам уже имел некоторое прошлое. До 2022 года он работал в департаменте здравоохранения Смоленской области, в отделе... впрочем, неважно, в каком именно отделе он работал, достаточно сказать, что работал он с госзаказами и материальным обеспечением медицинских учреждений.

* * *

— У нас здесь, конечно, не Москва, — доверительно объяснял Волину коллега из Следственного управления СК по Смоленской области, быстроглазый майор юстиции с киношной фамилией Шарапов, — но даже в нашей сонной провинции есть что прибрать к рукам, особенно по части здравоохранения. И коррупционные механизмы иной раз используются на удивление простые и понятные. Вот, например, доверили вам право выбирать фирму, которая будет поставлять оборудова-

ние для больниц и поликлиник по всей области. Представляете, какое это дело?

— Миллионное, — кивнул Орест Витальевич.

— Миллиардное, — поправил Шарапов. — Это в рублях. Но и в долларах тоже выходит неплохо. Какой был бюджет Федерального фонда медицинского страхования на 2022 год — знаете?

Волин не знал.

— Почти три триллиона рублей. Ну, понятно, что деньги эти поделили по областям и что не все пошло на закупки, но даже и то, что досталось нашей области, — такой кусок, что подавиться можно. Если, конечно, не знаешь, как правильно жевать.

На этом патетическом месте Шарапов неожиданно отвлекся и посмотрел на часы.

— Слушай, майор, — сказал он, как-то очень естественно переходя на «ты», — не хочешь пообедать? У нас тут в трех минутах закусовая, там такая шаурма — пальчики оближешь!

Волин не возражал. Это в двадцать лет можно с утра до ночи не есть, а когда ты приблизишься к сорока, самое время подумать о здоровье. А для здоровья первое дело — это, безусловно, регулярное и своевременное питание.

Закусовая, которая, по словам Шарапова, славилась своей шаурмой на весь Смоленск, представляла собой длинный чистенький павильон с белыми пластиковыми квадратными столами, расставленными вдоль стен, и такими же стульями.

— Все есть для души, — говорил Шарапов, первым заходя в заведение, — донер, шаурма, гриль, не говоря уже про всякие салаты. Пиво опять же по вполне щадящим ценам, почти что магазинным.

— А с чем у них шаурма? — несколько опасно осведомился Волин, изучая вывешенный на стене прейскурант. — А то, знаешь, не люблю пироги с котятами.

Шарапов в ужасе округлил глаза.

— Обижаешь, майор, никаких котят, у нас тут, как в Китае, чистая собачатина.

И хотя сказано было, конечно, в шутку, но Волина эта шутка все-таки немного покорибила. Если ты любишь животных, кулинарные шутки в их адрес воспринимаются несколько болезненно. Шарапов, надо отдать ему должное, это сразу понял и попытался сменить тему. У вас, сказал, в Москве, работники СК, поди, обедают и ужинают в ресторанах, а мы здесь по-простому, по-человечески.

Волин этот пассаж комментировать никак не стал: если они тут, в Смоленске, думают, что их коллеги в Москве не шаурмой закусывают, а пьют кровь из задержанных, их все равно не переубедишь.

— Так что у вас там по поставкам? — спросил он, аккуратно откусывая кусок шаурмы и держа ее строго над тарелкой, чтобы содержимое не посыпалось на стол.

— А по поставкам у нас вот что, — отвечал Шарапов, лихо оттяпывая четверть своей порции и запивая ее холодным бутылочным пивом. — Самое громкое дело по медицинской части случилось в России в 2009 году. Тогда было закуплено 170 томографов на общую сумму семь с половиной миллиардов. При этом прибыль посредников доходила до 55 миллионов с одного томографа. Представляешь размах?

— Погоди, погоди, — остановил его Волин, — чего-то у тебя тут не сходится. Пятьдесят пять миллионов умножить на 170, это будет... — Он быстро прикинул в уме: — Это будет 9 миллиардов 350 миллионов рублей. А всего денег на покупку было выделено семь с половиной миллиардов. Откуда же взялась такая прибыль?

Шарапов хитро улыбнулся:

— Правильный вопрос задаешь, майор. Как уже было сказано, прибыль доходила до 55 миллионов с томографа. Но это не значит, что с каждого томографа

посредник получал такие деньги. С каких-то побольше, с каких-то — поменьше. Но в целом, видимо, посреднику досталось не меньше двух третей от всей суммы. А это ни много ни мало пять миллиардов рублей. По тогдашнему курсу — держись, не падай — 165 миллионов долларов. Сто шестьдесят пять миллионов, майор! Игра стоит свеч. И это при том, что закупать приходится не только томографы, но и еще много чего. Короче говоря, это такие деньги, за которые каждый первый душу может отдать. И отдает. Конечно, чиновник, который решает, кому именно государство перечислит деньги, тоже внакладе не останется. Так что вся эта медицина — чистая мафия, хоть сейчас бери любого и сажай без суда и следствия.

И он откусил от шаурмы еще кусок. Волин некоторое время сидел молча, как будто что-то обдумывал.

— Ну, мафия — это все лирика и Голливуд, а для уголовного дела нужны фактические основания, — сказал он наконец. — Как вышло, что вы взялись за Голочуева?

— Были основания, — загадочно отвечал Шарапов. — Дело завели еще в двадцать первом году. И надо сказать, вели с пониманием, с толком, с расстановкой. Раскрыли коррупционную схему, в которой участвовал со всеми положенными распилами и откатами голочуевский отдел, посадили на скамью подсудимых зама Михал Иваныча и еще одного работника отдела, который во всей этой малине играл не последнюю роль.

— А Голочуев? — Волин смотрел на коллегу очень внимательно.

— Ты не поверишь, — с каким-то даже восхищением отвечал Шарапов, — оказался чист как стеклышко. И вообще ничего не знал о преступных махинациях.

Старший следователь, конечно, не поверил. Не может такого быть, сказал. Это что же выходит, глава отдела не знал, что у него в отделе творится?

— Выходит, не знал, — кивнул Шарапов. — И даже не догадывался. Уж мы крутили-вертели — ничего.

И остальные фигуранты молчат о нем, как воды в рот набрали. Хотя, ты же понимаешь, работали с ними очень плотно. В общем, в конце концов гололучевских чиновников мы довели до суда, а производство по самому Гололучеву пришлось закрыть.

— А не поторопились вы? — прищурился Волин.

Смоленский коллега точно так же прищурился в ответ.

— Что, думаешь, заинтересовали нас?

— Я такого не говорил, — поднял руки Волин.

— И напрасно, — ухмыльнулся Шарапов.

Орест Витальевич поднял брови. Выходит, все-таки заинтересовали?

— Точно, — кивнул майор, — заинтересовали. Только не нас.

— А кого?

— А я почему знаю? Просто в какой-то момент сверху поступило указание отпустить гололучевскую душу на покаяние.

— С какого конкретно верха? — уточнил Волин.

Майор развел руками: им не докладывали, просто, так сказать, поставили перед фактом. К тому же и Гололучев из Смоленска уехал, в Москву пошел, на повышение. В общем, дело положили под сукно и совсем было про него забыли, но тут...

— Что? — Волин перестал жевать.

Тут, по словам Шарапова, случилось сразу несколько неожиданных событий. В марте 2023 года их губернатор заявил о досрочном прекращении полномочий. На освободившееся место, как легко догадаться, назначили врио губернатора.

— А новая метла, сам понимаешь, по-новому метет, — заметил майор, утирая губы бумажной салфеткой. — Тем более что врио этот не просто врио, а, так сказать, наш коллега... Кстати, анекдот советский про коллегу слышал?

— Нет, — покачал головой Волин.

— Хороший анекдот, жизненный, — засмеялся Шарапов. — Слушай. Над речкой мост, на мосту стоит милиционер. Под мостом по реке плывет говно. Увидело говно милиционера и кричит: «Здорово, коллега!» Мент обиделся: «Какой я тебе коллега?» А говно ему и отвечает: «А как же? Мы ведь с тобой оба из внутренних органов!»

И майор снова засмеялся. Волин только головой покачал: вольные у вас тут нравы, в Смоленске.

— Эх, до бога высоко, до царя далеко, — заметил Шарапов. — Это у вас там, в Москве, Большой Брат не спит, а мы тут сами себе Большие Братья.

— Так ты начал про врио губернатора рассказывать, — напомнил ему Орест Витальевич.

Да, про врио. Врио этот оказался человек непростой. В 2005 году окончил Академию экономической безопасности МВД, защитил там кандидатскую диссертацию. На этом не остановился, изучал право в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации. Занимал разные правильные посты и с каждым годом рос выше и дальше. В общем, в губернаторы пришел человек компетентный, объединяющий в себе силовую и финансовую линии.

— Главное дело, что государству сейчас кровь из носу деньги нужны, — толковал Шарапов, открывая вторую бутылку пива. — Вся эта хрень с санкциями и остальное прочее, сам понимаешь, бюджет страны не красит. Вот мы и взялись за всякие старые недорасследованные дела, которые сулят финансовую перспективу. Может, для отдельно взятого коррупционера миллиард — деньги не такие большие, у него этих миллиардов наверняка куры не клюют. Другое дело — государство. Одного коррупционера разбужуинили, второго, третьего — глядишь, на годовой бюджет страны и набежало.

Усмехнувшись собственной шутке, майор продолжил рассказ. Помимо смены областного руководства, случилось и еще одно важное событие, а именно: зама голочуевского, фамилия его Коротайский, нашли в СИЗО мертвым.

— Как — мертвым? — спросил Волин.

— Сильно мертвым, — веско отвечал майор, перегибаясь к собеседнику через столик и понижая голос. — Очень-очень мертвым.

— Да я не о том, — отмахнулся старший следователь. — В каком виде его нашли: убийство, самоубийство, следы насилия на теле — как?

Шарапов откинулся на стуле и смотрел теперь на собеседника, слегка улыбаясь. Волин почувствовал легкое раздражение — провинциалы с их комплексом неполноценности в сочетании с манией величия могут довести до белого каления самого терпеливого человека. Ничего, спросим еще раз: в чем именно была причина смерти?

— Темное дело, — не без удовольствия отвечал Шарапов. — По виду вроде как самоубийство, пописал себя острым предметом, который неизвестно как в камеру попал.

— А на самом деле?

— А на самом деле — черт его знает. Ну, чего, в самом деле, ему самоубиваться? Статья экономическая, срок не так чтобы сильно большой. Амнистия опять же грядет. А если даже и не попадал покойник под амнистию, все равно — отсиди полсрока и на УДО подавай. А он самоубился. Где логика? Чего, спрашиваю, испугался человек?

Волин думал не больше пары секунд.

— Намекаешь, что в связи с повторным возбуждением дела Коротайский мог проговориться? И кому-то, например Голочуеву, это показалось опасным?